

ТИГИЛЬ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

Великий Октябрь, ставший точкой отсчета новой эпохи для всего человечества, в первую очередь знаменателем для нас, советских людей. Он вывел наше Отечество из беспросветной нужды, из тьмы, в которой прозябали народы бывшей царской России, к свету, к счастью, к нынешней социалистической яви.

Большое видится на расстоянии, говорил поэт. Чтобы понять величие Октябрьской революции, нужно знать как можно больше о том времени, о той жизни, из которой встал Октябрь. Потому так дороги нам сейчас крупицы воспоминаний тех лю-

дей, кто жил у его истоков, кто может поведать о неимоверно трудных годах становления социализма, о том, как он прорывался в наши города и села, как докорял души людей.

Поэтому редакция сегодня, в канун 70-летия Великого Октября, предлагает вниманию читателей воспоминания бывшей тигильчанки Дины Алиевны Дивеевой. С ней вы уже знакомы по статье «Исключительно благодаря Советской власти» («Знамя Ленина» от 12 августа 1987 года), в которой рассказывалось о тигильской школе двадцатых годов. Смотрите 4-ю страницу.

В НАЧАЛЕ двадцатых годов Тигиль даже селом не назывался. Его именовали: селение Тигиль Камчатской губернии Петропавловского уезда. Но все же он был центральным поселением среди других — Седанки, Воямполки, Утхолока, Кахтаны, Амаино.

При царе представителем власти в Тигиле был пристав.

Установлению Советской власти в Тигиле предшествовало много разных событий, но на этом я останавлиюсь во второй части, а пока опишу быт и нравы населения, попытаюсь вспомнить, что представлял собой Тигиль в те далекие годы, чтобы можно было ярче ощутить жизнь современного села, ставшего центром огромного района Камчатки.

Итак, в начале двадцатых годов это было небольшое селение в 50—60 дворов (семей), проживало в нем 300—400 человек.

Улиц, можно сказать, не было. Дома располагались в один ряд, что и составляло как бы центральную улицу. Она тянулась параллельно реке, по правому берегу. Верхний ее конец (считая по течению реки Тигиль) назывался «верх», нижний — «низ». Примерно в середине была небольшая площадь, где стояли церковь, школа и дом, в котором размещалась канцелярия пристава, а позже — все учреждения той или иной власти.

Выше площади — телеграф. Позже, в доме напротив него, был открыт первый интернат для корякских детей. Здесь кое-где дома стояли в два ряда.

Ниже площади, параллельно основной улице, шла еще одна небольшая улочка (с односторонней застройкой). В промежутке между ними были беспорядочно разбросанные домишки. От площади, в сторону сопки, помнится еще небольшой участок застройки — так называемые «кочки». На «низу» (на горке) размещалось кладбище. Оно было рядом с домами.

Природа вокруг была поистине первозданной, девственной, роскошной: дивный воздух, чистейшие ключи — родники со свежей, прохладной водой, река, горы на горизонте, леса, сопки. Самые большие сопки у Тигиля, помнится, назывались: Крест, Красная, Камчадальская, Шмелиха, Гребешок и другие. Все они сплошь были покрыты кедровым стлаником. На нем в изобилии росли шишки с орехами. В лесу была масса грибов. Их никто не собирал, так как не знали, что они съедобны. В изобилии росли и ягоды — брусника, жимолость, княженика, голубика. Местные жители тогда их называли так: брусница, зимолость, княжница, голубель. Вокруг Тигиля росло много багульника, таволжника и прочего кустарника. На Красной сопке и Гребешке всегда появлялись первые цветы — подснежники или

самострелки, как их называли. У подножия сопки, на кочках — ирисы (палемки), тумарки, сарана, гусиный лук и другие цветы.

Помню также остров Соколовский на реке Тигиль, покосы на левом ее берегу, за ними — небольшую речушку Латаиху, за которой начинались увалы — цепочка небольших сопки. За ними виднелась большая сопка Хажелонка, которая к осени казалась красной от росшей на ней в изобилии брусники.

Дома в Тигиле были только деревянные (бревенчатые), одноэтажные, как правило, из одной (редко — двух) комнат, кухни, прихожей. По несколько комнат имелось лишь в трех — пяти домах. Например, в доме Флетче-

населением (камчадалами, алеутами, ламутами...), они образовали как бы новую народность — казаков. Отличались эти люди от камчадалов, живших в Воямполке, Утхолоке, Аманине, Седанке, и языком, и образом жизни, и нравами, и социальным положением. Считались и были несколько просвещеннее камчадалов и коряков. Кроме казаков, в Тигиль проникали рабочие люди из Петропавловска и с материка. Особенно это было в период, когда прокладывалась телеграфная линия.

Всех приезжих называли мурками. В этом названии была и доля уважения (все-таки люди с материка!) и доля презрения. Многие мурки, уезжая обратно,

гации перебирались на устье, куда в двадцатых годах приходила американская торговая шхуна Свенсона, очень редко приплыли японские шхуны.

Американцы привозили все: продовольствие (начиная от муки и кончая сгущенным молоком и жевательной резинкой — называлась «серой»), обувь, мануфактуру, охотничье снаряжение, инструменты и прочее. Конечно, спирт — в бутылках с этикеткой, на которой был изображен старик. Эта бутылка так и называлась: «старичок».

«Гости» из-за океана в обмен на привезенные товары за бесценок скупали у тигильчан, камчадалов, коряков дорогую пушнину — соболей, горностаев, белок,

Это готовилась так называемая «кисла» — корм для собак.

Как я уже упоминала, овощей тигильчане не выращивали, не держали кур, гусей, свиней. Добывали диких гусей, уток, куропаток, глухарей. Их настреливали десятками.

Всю одежду, начиная от белья и кончая верхней, а также обувь, изготавливали сами — кто как умел. Наши матери шили такую обувь: на зиму — камусные торбасы, под которые одевались чижки; на весну и осень — кожаные торбасы из оленьих шкур со снятым мехом; на сухую погоду — так называемые торбасы из замши, сделанные также из оленьих шкур. Ботинки, туфли (фабричная обувь) были только в обеспеченных семьях. Верхняя одежда шилась из евражки, горностая, белки. Некоторые тигильчане носили кухлянки из оленьего меха.

Медицинскую помощь оказывал один фельдшер (некто Золовкин), который имел очень скудный запас медикаментов. Однако прививки против оспы он делал.

Роды принимала бабушка Феклуша. Надо отдать ей должное — неграмотная, она помогала женщинам, благодаря природной смекалке, добросовестности, доброте, честности, соблюдала элементарные правила санитарии. Она же лечила некоторые болезни травмами и другими средствами.

Культурная жизнь в Тигиле сводилась к хождению в гости друг к другу: ели, пили, разговаривали, играли в карты. Изредка в школе, которая одновременно служила и клубом, силами местных жителей ставились спектакли. Кроме того, частенько устраивались «вечорки», то есть танцы. Для этого арендовался дом попросторнее. Чаще это был дом Толмана. Главным танцем была «восьмерка» — что-то вроде группового вальса. Танцевали также краковяк, польку и другие.

Нельзя сказать, что тигильчане были религиозными, но в церковь ходили, церковные обряды выполняли: венчались, крестили детей и т. д. Широко отмечали все религиозные праздники. Церковь в каком-то смысле была местом общения.

Отмечу еще одну черту тигильчан. Хотя некоторые семьи жили впроголодь, а весной почти все голодали, люди, уходя куда-нибудь, двери на замок не запирали — воровства не было.

И вообще, тигильчане были отзывчивыми, дружными. Помню, заблудились в лесу две маленьких девочки. Всю ночь тигильчане искали их, пока не нашли.

Вот таким был Тигиль с начала двадцатых годов и до 1926 года. Что касается социальных явлений, происходивших в тот период, то о них расскажу во втором разделе.

Д. ДИВЕЕВА,
бывшая тигильчанка, ветеран
труда, член КПСС с 1952 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА

ТИГИЛЬ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

I. БЫТ И НРАВЫ

ров (на «верху»), Косыгиных (на площади). Это были дома местных зажиточных людей. А бедные (одинокие) старики и старушки ютились в землянках, домишках из ящиков, других отходов. Их называли юртами. Помню, была юрта дедушки Василия.

У некоторых жителей были небольшие бани. Их насчитывалось 3—4 на все селение. В них по договоренности с хозяевами тигильчане ходили мыться не чаще раза в месяц, и то не все. Летом купались в реке. Антисанитария в Тигиле была страшная. Весной, при таянии снега, все нечистоты смывались в реку.

Дома отапливались печами. Воду люди носили из реки или ключей. Освещались керосиновыми лампами. Керосин очень экономил, поэтому чаще всего зажигали жирники, а многие тигильчане с наступлением темноты просто ложились спать.

Летом вокруг домов росла трава, зимой лежали сугробы снега, вокруг которых люди протаптывали тропинки. Зимой тигильчане ездили по хозяйственным нуждам на собачьих упряжках, летом — верхом на лошадях, но они имелись лишь у нескольких семей. Охотники зимой также отправлялись на промысел на собаках (ездовые собаки были почти у каждого жителя), а чаще — на лыжах.

По реке тигильчане плавали на батах — узких лодках, выдолбленных из ствола большого дерева.

Население Тигиля составляли так называемые казаки (ударение — на последнем слоге). Когда-то давно (если не ошибаюсь, при Екатерине II) было решено создать на Камчатке форпост для охраны границы. С этой целью переселили на полуостров казаков. Породнившись с местным

оставляли в Тигиле потомство, а некоторые оседали навсегда.

Очень самобытным был язык тигильцев — в основе русский, но со своим выговором, а также с чисто тигильскими словами, которых в русском языке вообще нет. Говор был такой: тянули слова, окали, вместо букв «ж», «ш», «ч» произносили соответственно «з», «с», «ц». Приведу несколько чисто тигильских словечек: «омоца», «недокоть» — человек, ничего не умеющий делать; «охлюя» — неопрятная женщина.

Среди камчадалов и коряков были лишь единицы, которые кое-как изъяснялись на языке тигильчан.

Население почти поголовно было неграмотным. К этому следует добавить его простодушие, наивность, доверчивость. И в то же время люди были хитроватыми. Однако эта хитрость чаще всего связывалась с желанием прихвастнуть несуществующим богатством или чересчур «удачной» охотой и т. п.

Все новости тигильчане узнавали, когда в навигацию приходили пароходы. В 1916 году в Тигиль был проведен телеграф. Поэтому о жизни в других селениях (и тем более в Петропавловске) люди имели очень смутное представление.

Кормились люди кто как мог. Никаких магазинов не было. Летом добывали рыбу, лесные дары, осенью и зимой — дичь. Кое-кто держал коров. Некоторые жители имели возможность покупать у коряков оленей на мясо.

Важную роль играла охота. Ею занималось большинство людей. Добывали пушнину. На устье реки Тигиль стояло несколько домиков, хозяева которых зимой жили в Тигиле, а ближе к нави-

лисиц, пыжики. По существу, шел настоящий грабеж. Однако населением все это воспринималось безропотно. Не жалея, отдавали ценнейшую пушнину, лишь бы запасти хотя бы минимум необходимого. А за «старичка» коряки могли отдать целого оленя.

Население Тигиля было социально расслоено. Были семьи побогаче, среднего достатка и настоящая беднота. Заработать копейку, было негде. Землей, как на материке, люди не владели. Их богатство — домишко, рыболовные да охотничьи снасти, причем не у всех. Одна надежда — на рыбу и лесные дары.

Больше других страдали многодетные семьи с не очень расторопными кормильцами. Нет, это были не пьяницы, не лодыри. Просто — задавленные нуждой люди, привыкшие лишь к одному виду труда — рыболовству, охоте. Да и охотиться умели далеко не все.

Никто в Тигиле, кроме нашей семьи, не пытался завести огород, выращивать ту же картошку. Это было «не принято», да, видимо, и умения не хватало.

Перед нерестом, когда лососи шли вверх, река перегораживалась запорами. Вся пойманная рыба (чавыча, хаек, т. е. кета, кижуч, горбуша) выбрасывалась на берег. Здесь ее «пластали» (потрошили). Икру выбрасывали. Она так и пропадала. Лишь небольшую ее часть сушили для «икряников». Их пекли в печке, добавляя в икру немного муки. Ели весной, в голодное время, когда уже нечего было приготовить.

После вылова рыбу сортировали. Часть шла на юколу и балыки, часть — солилась (приготавливалась «солена»), остальную рыбу бросали в ямы (без соли).

ТИГИЛЬ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

2. Из тьмы к свету

ЭТУ ЧАСТЬ СТАТЬИ я пишу, в основном, по рассказам отца, а также по записке, которую он писал для семейной хроники. Но отдельные события тех лет остались и в моей детской памяти, особенно приход белых в Тигиль, а затем отряда красных.

В феврале 1917 года телеграф принес в Тигиль весть о революционном перевороте в России, о свержении царя.

Телеграфом тогда заведовал некто Дюпин (имя и отчество не помню). Он немедленно сообщил эту весть тигильчанам. Учитель Тигильской школы Николай Александрович Миронов сразу же созвал всех прогрессивно настроенных людей. Было решено провести митинг и организовать шествие по Тигилю с красными флагами. Что и было сделано.

Здесь, же, на митинге, был избран комитет общественной безопасности, председателем кото-

рого избрали моего отца—Алексея Александровича Дивеева (так называли его в Тигиле), секретарем — Иннокентия Миронова (отчество, к сожалению, не помню).

Несколько слов о моем отце.

Настоящее его имя и отчество Али Абдуллагович, по национальности — татарин, родом из Горьковской области. Он не был ни революционером, ни большевиком. Военную службу проходил в Петербурге. В 1905 году принимал активное участие в солдатских волнениях, за что из Петербурга был отослан в штрафную часть в крепость Керчь.

Царский строй отец ненавидел, считал его обреченным. По окончании службы в Керчи за отцом, как за неблагонадежным, установили негласный полицейский надзор. Средств к существованию он не имел, но был гра-

мотным, поэтому богатые купцы из татар взяли его на службу в торговлю и отправили с товарами на Дальний Восток. Потом и сам отец стал мелким торговцем и в этом амплуа в 1908 году прибыл в Тигиль. Здесь он обосновался, торговлю забросил и занялся хозяйством. В Горьковскую область вернулся лишь через 18 лет.

Живя в Тигиле, отец очень интересовался общественной жизнью России, выписывал много газет и журналов. Он был прогрессивно настроенным человеком, физически очень сильным, трудолюбивым, честным, доброжелательным к людям, верным товарищем в беде. За эти качества сельчане относились к нему с доверием, и он пользовался большим авторитетом. Поэтому, наверное, тигильчане и избрали его в новый орган власти — комитет
(Окончание на 4-й стр.)

(Оконч. Нач. на 1-й стр.)
общественной безопасности.

Отец по телеграфу сразу же связался с Петропавловском, где был областной комитет. От него получал директивы, в соответствии с которыми проводил различные мероприятия. Так, однажды было указание о том, что губернатор Камчатки упразднен и что необходимо также упразднить приставов в селениях. После некоторого сопротивления со стороны тигильского пристава Михрякова эта директива была выполнена. Затем из области было сообщено, что в мае 1917 года в Тигиль прибудет комиссар, которому надлежит передать дела, деньги и прочее, принятое от пристава. Комиссар прибыл на устье. Там он все это и получил, после чего уехал в Петропавловск.

А в Тигиле был создан другой комитет — продовольственный. Его председателем люди опять избрали моего отца. Кроме того, была избрана продуправа. Она ведала продовольственным снабжением населения. Надо сказать, положение с продуктами было очень трудное. Связавшись по телеграфу с Петропавловском, продкомитет смог вытребовать в адрес продуправы 6000 пудов муки для реализации населению. Это несколько облегчило нужду тигильчан. Были использованы и другие возможности. Например, отец с другими членами продуправы ездил на дальние фабрики, где еще оставалась мука. Они закупили ее и привезли в Тигиль. Но все-таки хлеба не хватало.

В 1917, 1918 и 1919 годах продовольственное положение продолжало оставаться нелегким, не было главного — хлеба. Продкомитет был единственной властью в Тигиле. Но когда в Сибири появился Колчак, продовольственные комитеты были распущены. Их перестали признавать в Петропавловске и снабжать.

С этого момента — с 1919 по 1922 год — в Тигиле никакой власти не было. Сельчане жили сами по себе, помогая друг дру-

гу. Хлеба не стало совсем. Питались кто чем мог — рыбой, ягодами... И главное — мало что знали о происходящем на материке, в частности, на Дальнем Востоке.

В марте 1922 года в Тигиле появились два человека из белой банды Бочкарева. Они пришли с Севера, очевидно, для того, чтобы разведать обстановку. Тигильчане выпроводили их обратно, но стали с тревогой ждать возможного прихода белых. Чтобы

ми (конечно, бесплатно), так как мы держали коров.

Расположились белые в бывшей приставской канцелярии. Через сутки они назначили собрание, на котором и объявили, что являются властью, и население обязано им во всем подчиняться, а также снабжать всем, что потребуют. Однако собрание выставило свое требование: освободить арестованных П. Юшина и С. Ерошкина. Беляки велели в письменном виде изложить эту

белые находятся на устье реки. Они связались со штабом тигильской дружины (хотя она была якобы распущена, но втайне действовала), конкретно — с П. Юшиным и предъявили ему такой ультиматум: если в ближайшие день-два белые не будут уничтожены, то партизаны откроют огонь по Тигилу.

Юшин стал держать совет с моим отцом и другими дружинниками. Решили белых уничтожить. Выше Яров была устроена

Через некоторое время в Тигиль прибыл красный отряд под командованием Григория Ивановича Чубарова. Он направлялся в Гижигу для ликвидации банды белых, окопавшихся там.

Отряд Чубарова был встречен населением с большой радостью. Мои родители устроили для чубаровцев ужин. Помню, был накрыт большой стол в нашей небольшой комнате. Во главе его сидел Г. И. Чубаров, вокруг — бойцы, тигильчане.

Чубаров долго говорил. Я, естественно, сразу не могла уразуметь, о чем шла речь. Потом отец объяснил, что Григорий Иванович растолковал: за что борется его отряд, что несет Советская власть людям. Еще он сказал, что, мол, вы, тигильчане, обыватели, вчера вынуждены были подчиняться белым, а сегодня так хорошо встречаете нас: мы чувствуем вашу искреннюю радость, чувствуем, что вы понимаете: наш отряд — носитель народной власти, новой, лучшей жизни для всех.

В отряд Чубарова было набрано пополнение из Тигиля и Седанки.

Провожали вступивших в отряд всем селением, торжественно. В церкви даже служили молебен за их возвращение.

Через некоторое время все, кто ушел с отрядом Чубарова, вернулись домой, за исключением одного человека из Седанки. Помню, звали его Николаем, а фамилию не знаю. Вернувшихся встретили с большой радостью.

В Тигиле стало спокойно, жизнь вошла в старое русло.

С 1923 года американцам было запрещено торговать на Камчатке. Снабжение стало осуществляться из Петропавловска через органы Советской власти. Но в Тигиле по-прежнему официальной власти не было. Только в 1924 году в нем установилась наконец, Советская власть в лице ревкома.

Д. ДИВЕЕВА,
бывшая тигильчанка, ветеран труда, член КПСС с 1952 года.

ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА

ТИГИЛЬ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

2. Из тьмы к свету

не быть застигнутыми врасплох, организовали дружину, начальником которой избрали Павла Юшина, помощником — Сергея Ерошкина. Ночью в Тигиле стали дежурить патрули.

В мае 1922 года, когда наступила полная распутица, люди из дружины разъехались на охоту, мужчин в селении почти никого не осталось. В этот момент и появилась в Тигиле белая банда из семи человек: трое офицеров высшего ранга, остальные — рядовые солдаты. Пришли они по морскому припаю на устье. Там оказалось несколько охотников из Тигиля. Белые арестовали их и под угрозой смерти заставили вести отряд в Тигиль.

Приход белых ознаменовался тем, что они, во-первых, арестовали руководителей дружины — П. Юшина и С. Ерошкина, посадили в чулан и поставили часовых. Затем выпороли шомполами тигильчанина Андрияна Михайловича Брагина за какую-то небольшую провинность (чуть не до смерти). Эта же участь постигла и некоторых других сельчан.

Нашего отца беляки пока не трогали, но обязали снабжать их молоком и молочными продуктами

просьбу — как бы ручательство сельчан за арестованных. Подписал письмо мой отец, которого избрали председателем собрания. Арестованные были освобождены.

В августе 1922 года к устью реки Тигиль подошел американский пароход. Он привез белякам все, что им требовалось.

Главным у белых был некий Савич, в генеральском чине. Отвратительный человек. Отец не называл его иначе, как «хитрая лиса». Савич думал, видимо, только об одном — как спасти свою шкуру. На прибывшем пароходе он удрал (по слухам — в Харбин), а в Тигиле оставил комендантом полковника Алексеева, который, кстати сказать, и распорядился освободить арестованных.

Когда пароход прибыл на устье, белые потребовали людей и баты для перевозки товаров в Тигиль. Сами они тоже отправились на устье.

Продуправе удалось приобрести у американцев за пушнину муку и другие продукты. Это несколько облегчило продовольственное положение населения.

А в это время южные партизаны (камчадалы) разведали, что

засада. Когда беляки возвращались, их всех и перебили прямо в батах. Выстрелы этого боя слышались в Тигиле. Часть дружины в это время была готова к бою, если белые прорвутся в село.

После ликвидации банды белых в Тигиле состоялась демонстрация. Тигильчанам нелегко было разобраться в происходящих событиях, но общественное мнение было единодушным в одном: белые за прежнюю власть, значит, правильно, что с ними покончили. Однако некоторые внесли такое жуткое предложение: перебить всех приезжих. Оно, правда, не было единодушным, многие возражали, особенно, когда дело дошло до моего отца. Тут стали возражать почти все, а Яков Тимофеевич Карпов (приезжий, родной отец ныне живущей в Тигиле Дарьи Яковлевны Сиваковой) взял свой винчестер, ящик с патронами и сказал: «Пойду вон в тот густой кедровник и как услышу, что Дивеева убили, так и начну стрелять во всех, кто попадется, пока патроны не кончатся».

К счастью, предложение уничтожить приезжих не было принято большинством сельчан, и постепенно страсти улеглись.